

Путешествия по

ЭРЭП

БИЛЛ БРАЙСОН

Билл Брайсон — путешественник №1. Журналист по профессии и странник по призванию, он проехал весь мир. Его путеводители стали бестселлерами в Америке, в Европе и даже в Японии! Вряд ли найдется хотя бы один школьник на Западе, который не слышал бы этого имени.

Путешествуя вместе с Брайсоном, вы узнаете ту часть Европы, которую тщательно скрывают от обычных туристов, — загадочную, мистическую и откровенную. Весельчак Брайсон расскажет, как «на халяву» попасть в Лувр, как парковаться на тесных улочках Рима, как отобедать за полцены в ресторанчиках Испании. Он научит вас многим хитростям профессионального путешественника, для которого не существует запретов!

- [Билл Брайсон](#)
 - [На север](#)
 - [Хаммерфест](#)
 - [Осло](#)
 - [Париж](#)
 - [Брюссель](#)
 - [Бельгия](#)
 - [Ахен и Кельн](#)
 - [Амстердам](#)
 - [Гамбург](#)
 - [Копенгаген](#)
 - [Гётеборг](#)
 - [Стокгольм](#)
 - [Рим](#)
 - [Неаполь, Сорренто и Капри](#)
 - [Флоренция](#)
 - [Милан и Комо](#)
 - [Швейцария](#)
 - [Лихтенштейн](#)
 - [Австрия](#)
 - [Югославия](#)
 - [София](#)
 - [Стамбул](#)
-

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)
[Все книги автора](#)
[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Билл Брайсон

Путешествия по Европе

Посвящается Синтии

Уильям Джеймс описывает человека, которому приходилось пробовать веселящий газ. Каждый раз, надышавшись, он постигал высшую истину, но стоило ему прийти в себя, забывал ее безвозвратно. Наконец однажды, огромным усилием воли, он записал секрет до того, как угасла его способность к прозрению. Полностью придя в себя, человек бросился посмотреть, что он написал. И прочел: «Запах бензина преобладает повсюду».

Бертран Рассел. «История западной философии»

Спрашивается, кому может взбрести в голову тащиться 30 часов автобусом из Осло до зимнего Хаммерфеста? Это самый северный город Европы, от которого до Лондона, как от Лондона до Туниса. Это место с мрачными суровыми зимами, где солнце тонет в Северном Ледовитом океане в середине ноября и выныривает только через десять недель.

Такое могло случиться только со мной. Дело в том, что я загорелся мыслью увидеть северное сияние. Кроме того, меня смутно интересовало, как вообще можно выжить в таком забытом Богом медвежьем углу.

Когда я сидел у себя дома в Англии, прихлебывая виски и разглядывая географический атлас, эта идея казалась мне великолепной. Но уже в Осло, пробираясь сквозь серую декабрьскую хмарь, я засомневался в своей затее.

Все началось отвратительно. В гостинице я проспал завтрак, одевался впопыхах, не смог поймать такси и восемь кварталов, увязая в грязи, тащился с тяжеленным рюкзаком к автостанции. Потом стоило огромного труда уговорить сотрудников банка обналичить нужное на билет количество дорожных чеков — грабительскую сумму в 1200 крон. Норвежские клерки никак не могли въехать, что Вильям Мак Гир Брайсон в моем паспорте и Билл Брайсон на моих туристических чеках — один и тот же человек. В результате я, взмыленный как конь, примчался на станцию за две минуты до отхода автобуса, и тут девушка в кассе сообщила, что билет на мое имя никто не бронировал.

«Это все происходит с кем-то другим, не со мной. Я спокойно сижу дома в Англии и праздную Рождество. Сейчас попрошу жену плеснуть мне еще портвейна». Так я подумал. А вслух сказал:

— Здесь какая-то ошибка. Пожалуйста, взгляните еще раз.

Девушка внимательно просмотрела список пассажиров.

— Нет, мистер Брайсон, вашей фамилии здесь нет. Однако я разглядел свою фамилию даже вверх ногами.

— Вот она, вторая снизу.

— Нет, — возразила девушка, — это Бернт Бьёрнсон. Это норвежская фамилия.

— Это не Бернт Бьёрнсон. Это Билл Брайсон. Смотрите, вот двойная "л", а над "и" — птичка. Пожалуйста, мисс.

Но она только отрицательно помотала головой.

— Хорошо, если я не попаду на этот автобус, когда будет другой?

— На следующей неделе в это же время. Превосходно.

— Мисс, умоляю вас, поверьте мне. Здесь написано Билл Брайсон.

— Нет.

— Послушайте, мисс. Я привез из Англии лекарства для умирающих детей.

Нулевая реакция.

Я решил взять ее на испуг:

— Можно мне увидеть вашего управляющего?

— Он в Ставангере.

— Послушайте, я заказывал билет по телефону. Если я не уеду на этом автобусе, то напишу вашему начальнику такое письмо, что на вашей карьере можно будет смело поставить крест до конца текущего столетия...

Я мог бы еще долго продолжать, но тут меня осенило:

— А если этот Бернт Бьёрнсон до отъезда не появится, я смогу занять его место?

— Конечно.

Почему я не подумал об этом раньше? Сберег бы кучу нервов.

— Спасибо, — сказал я и потащил свой рюкзак к автобусу.

В двухэтажном автобусе типа американского «Грейхаунда» сиденья и окна наблюдались только в передней половине верхнего салона. Все остальное было наглухо закрыто алюминием, причем по обоим бортам шла надпись «Экспресс 2000», выполненная в раздражающей научно-фантастической манере — вдоль хвоста кометы. В какой-то бредовый момент мне даже представилось, что в задней половине салона оборудовано нечто вроде спальни, куда стюардесса отведет нас ночью и предложит кушетку на выбор. Я заплатил бы любую сумму за такую возможность. Но и тут не повезло: три четверти автобуса, свободные от пассажиров, предназначались для перевозки грузов. Короче говоря, «Экспресс 2000» оказался простым грузовиком, в который подсаживали немного пассажиров.

Выехали ровно в полдень. Внутри автобуса все было спроектировано так, чтобы доставить максимум неудобств. Мне досталось место возле печки, так что пока моя верхняя половина коченела от сквозняков, левая нога медленно поджаривалась: я отчетливо слышал, как на ней трещат волосы. Конструкцию кресел разрабатывал злобный карлик, отомстивший таким изощренным образом всему нормальному человечеству. Молодой парень, сидящий передо мной, так далеко откинул спинку сиденья, что его голова практически лежала у меня на коленях. Он увлеченно читал комикс и, глядя на его физиономию, нельзя было не прийти к выводу, что у Создателя отменное чувство юмора.

На моем собственном сиденье спинка торчала под таким углом, что у меня немедленно заболела шея. Сбоку на кресле был рычаг, который, видимо, должен был приводить его в более удобное положение. Однако я по горькому опыту знал, что он приводит в действие могучую пружину, которая откидывает спинку назад с сокрушительной силой, разбивая коленки сидящего сзади — в данном случае, крошечной старой леди — божьего одуванчика. Поэтому я благоразумно оставил рычаг в покое.

Моя соседка, обладавшая скорее всего огромным опытом полярных экспедиций, загрузила в кресельный карман перед собой невероятное количество журналов, платков, мазей и фруктовых пастилок, потом закуталась в одеяло и проспала большую часть путешествия.

Мы долго тряслись по заснеженным, тускло освещенным окрестностям Осло, пока не выехали наконец в сельскую местность. Разбросанные вокруг деревни и фермы выглядели богато и ухоженно, в окнах домов горели веселые рождественские огоньки. Ко мне быстро вернулось хорошее расположение духа, обычно сопровождающее меня в длинных путешествиях.

Так начался мой вояж. Я собирался снова увидеть Европу.

Впервые я попал в Европу в 1972 году — тощий, застенчивый и одинокий. В те далекие дни мне были по карману только рейсы Нью-Йорк — Люксембург с дозаправкой в аэропорту Рейкьявика. Самолеты были трогательно старомодными. Кислородные маски в самый неподходящий момент выпадали из гнезд и болтались перед физиономиями испуганных пассажиров, пока стюардесса с молотком и полным ртом гвоздей не приколачивала их на место. Дверь в сортире со сломанной задвижкой постоянно норовила распахнуться, так что ее приходилось придерживать ногой. Это сильно отвлекало от справления естественных надобностей и ужасно раздражало ожидавших своей очереди людей, которые не могли понять, чем вы так долго там занимаетесь.

По моим ощущениям, чтобы достичь Кефлавика (так называется рейкьявикский аэропорт) нам понадобилось полторы недели. Еще полторы недели ушло на то, чтобы дотрястись по небесным ухабам до Люксембурга.

Этим рейсом летели, главным образом, хиппи, не считая двух менеджеров завода по

переработке сельди, оккупировавших первый класс. Было такое чувство, что едешь в том же «Грейхаунде» на фестиваль фольклорной музыки. Длинноволосые юнцы то и дело принимались брэнчать на своих гитарах и мандолинах, пускали по кругу бутылки с вином и активно знакомились со своими соседками, которых явно намеревались пустить по кругу чуть позже, достигнув гостеприимных средиземноморских пляжей.

Честно говоря, собираясь в путешествие, я не раз предавался ночным фантазиям о предстоящем перелете, в которых моей соседкой по креслу всегда оказывалась рано созревшая красавица, отправленная отцом на лечение от нимфомании в тяжелой форме. В этих мечтах она обязательно поворачивалась ко мне где-нибудь над Атлантикой и говорила: «Простите, не затруднит ли вас устроить мне небольшой минет — просто так, чтобы скоротать время?»

Увы, в действительности моим соседом оказался прыщавый юнец в больших очках и целым арсеналом шариковых ручек в нагрудном кармане рубашки. На шее у него были огромные фурункулы, которые выглядели как свежие пулевые ранения и ужасно воняли какой-то лечебной дрянью. Большую часть полета он читал Священное писание, водя по строчкам кривым пальцем, довольно громко бормоча себе под нос и время от времени страстно вздыхая. Я приготовился к худшему. Не знаю, почему религиозные фанатики стремятся обратить в свою веру каждого, кто попадает к ним на пути, особенно меня, хотя я никогда не стараюсь заставить их болеть за свою любимую футбольную команду. Но факт есть факт: они никогда не упускают случая.

Где-то над Атлантическим океаном я заметил закатившуюся под переднее сиденье монету в 25 центов. Пришлось сложиться втрое и извернуться немыслимым образом, чтобы дотянуться кончиками пальцев и завладеть ею. Выпрямившись, я увидел, что сосед оторвался от Священного писания и смотрит на меня со злобещим блеском в глазах.

— Вы нашли путь к Христу? — спросил он.

Я показал ему подобранную монету и честно ответил:

— Нет, всего лишь четвертак.

Следующие шесть часов я старательно притворялся спящим, игнорируя его призывы позволить Христу въехать в мое сердце на постоянное место жительства. На самом деле я тайком от соседа разглядывал в иллюминаторе проплывавшую внизу Европу. До сих пор помню первое впечатление. Самолет вырвался из облаков, и под нами открылась волшебная картина — деревушки с колокольнями и прямоугольники зеленых полей, будто на ландшафт набросили лоскутное одеяло.

Когда летишь над Америкой, из окна самолета видны только бескрайние золотые поля размером с Бельгию, извилистые реки и словно начерченные простым карандашом по линейке шоссе-дороги. Кажется, стоит прищуриться — и можно увидеть Лос-Анджелес, даже находясь над Канзасом. Здесь же все было таким зеленым, таким ухоженным, таким компактным, таким аккуратным, таким... европейским. Я был в тот раз очарован. И до сих пор остаюсь.

Я ехал в Европу с желтым рюкзаком, настолько огромным, что, проходя таможеню, готов был услышать вопрос: «Что будете декларировать? Сигареты? Алкогольные напитки? Дохлаю лошадь?» Весь день я провел, сгибаясь под его тяжестью и бродя по старинным улочкам Люксембурга в будоражащем состоянии щенячьего восторга. Я как будто впервые вышел на улицу из дома. Все было другим: язык, деньги, машины и номера на них, хлеб, еда, газеты, парки, люди. Никогда раньше я не переходил через перекресток по «зебре», никогда не катался на трамвае, никогда не предполагал, что можно продавать хлеб, не разрезанный на ломтики (мне такое даже в голову не приходило), никогда не видел, чтобы в мясной лавке висели фазаны в перьях и неосвежеванные кролики, мне никогда не улыбались с подносов пороссячьих головы. А главное — все люди были люксембуржцами. Не знаю, почему это так поражало меня, но так оно

и было. Мне казалось странным, что вот тот человек — люксембуржец. И та девушка тоже. Они ничего не знают о нью-йоркских янки, никогда не бывали на бродвейской опере, они все из другого мира. Удивительно.

Днем, проходя по мосту Адольфа, перекинутому через ущелье, разрезающее город на две части, я встретил своего прыщавого соседа по самолетному креслу. Он тащился по направлению к центру города, так же согнувшись под тяжестью огромного рюкзака. Я приветствовал его как друга — в конце концов, из 300 миллионов людей в Европе он был единственным, кого я знал. Однако он не разделил моего энтузиазма.

— Вы нашли себе комнату? — спросил он мрачно.

— Нет.

— Я тоже ничего не могу найти. Везде все занято.

— В самом деле? — спросил я, ощутив легкую тревогу. Это могло быть серьезно. Мне никогда не приходилось ранее искать себе койку на ночь — я был уверен, что стоит мне появиться в каком-нибудь приглянувшемся маленьком отеле, как все устроится само собой.

— Грёбаный городишко, долбаный Люксембург! — пробурчал мой друг с неподобающей истому христианину злобой и побрел дальше.

Действительно, несколько занюханных гостиниц в районе центральной автостанции оказались забитыми до отказа. Я зашагал дальше, заглядывая по пути в различные кемпинги, мотели и ночлежки, но безуспешно, и вскоре — поскольку Люксембург компактен настолько же, насколько очарователен, — оказался на шоссе за городом. Не имея понятия, как найти выход из сложившегося положения, я импульсивно решил отправиться автостопом в Бельгию. Видимо, рассудил, что раз Бельгия больше, там все должно быть лучше. Я простоял на обочине один час и сорок минут с задраным большим пальцем, наблюдая, как мимо проносятся машины, как солнце садится за горизонт, и испытывал настоящее отчаяние. Надо было разрабатывать новый план, но мне ничего не приходило в голову — и тут рядом со мной затормозил побитый «Ситроен 2CV».

Я мигом сбросил с плеч свой рюкзак, но молодая пара на переднем сиденье так яростно о чем-то спорила, что я остановился. На мгновение мне показалось, что водитель просто случайно притормозил около меня, чтобы выбросить женщину из машины. Насмотревшись по телевизору фильмов Жан-Поля Бельмондо, я считал что европейцы всегда так поступают. Но женщина вдруг высунулась из машины, обожгла меня ненавидящим взглядом и приказала лезть на заднее сиденье, где я и пристроился среди груды обувных коробок, подтянув колени к подбородку.

Водитель был сама приветливость. Он хорошо говорил по-английски и сообщил мне, перекивая рев мотора, что работает коммивояжером по продаже обуви, а его жена — служащая в люксембургском банке, и что они живут на самой бельгийской границе, в Арлоне. Он поминутно оборачивался назад, чтобы расчистить мне побольше места среди коробок, но лучше бы не делал этого, потому что гнал со скоростью семьдесят миль в час по шоссе с оживленным движением, управляя одной рукой и практически не глядя на дорогу.

Каждые несколько секунд его жена пронзительно взвизгивала, что означало появление на дороге встречного грузовика, и тогда он на две-три секунды переключал внимание на дорогу, после чего вновь принимался за мое обустройство. Жена крыла его последними словами за такую манеру вождения, но он реагировал на ее яростные тирады как на милую болтовню и периодически бросал на меня заговорщицкие взгляды, будто мы оба состояли в Тайном обществе презрения к женским страхам, и теперь он был рад обрести единомышленника.

Никогда еще я не был настолько уверен, что вот-вот погибну. Наша машина неслась, словно сорвавшись с «американских горок». Шоссе состояло из трех полос, что было для меня новостью: одна узкая дорога шла на восток, другая на запад, а посередине — в обоих

направлениях. Мой новый друг начисто игнорировал эту систему. Он не раздумывая выезжал на среднюю линию и выглядел крайне удивленным, обнаружив, что по ней навстречу нам как из пушки несется сорокатонный грузовик. Увернувшись в последний момент, он высовывался из окна и долго выкрикивал оскорбления в адрес проехавшего водителя, пока жена очередным воплем не предупреждала его о новой опасности. Позже, когда я узнал, что в Люксембурге самая высокая смертность на дорогах, меня это несколько не удивило.

В итоге нам понадобилось всего полчаса, чтобы добраться до Арлона, скучного промышленного городка. Казалось, все в нем, включая людей, пропиталось серой пылью. Мужчина стал настаивать на том, чтобы я зашел к ним поужинать. Мы с его женой пытались протестовать, но он воспринял наши возражения как продолжение милой болтовни, и, прежде чем я успел понять, что к чему, меня втолкнули на темную лестницу, а потом в крошечную пустую квартирку. В ней были только кухонька площадью с большой шкаф и маленькая комнатенка «за все про все», в которой стоял стол, два стула, кровать и проигрыватель с двумя альбомами — Джин Питни и духовой оркестр английских шахтеров. Он спросил меня, что бы я хотел послушать. Я оставил право выбора за ним.

Поставив Джина Питни, гостеприимный хозяин исчез на кухне, где жена ему долго что-то втолковывала злобным шепотом. Оттуда он появился с видом побитой собаки, двумя пивными кружками и большой бутылкой коричневого пива.

— Это будет превосходно, — пообещал он и налил мне стакан напитка, оказавшегося очень теплым.

— М-м, — протянул я, стараясь, чтобы мое междометие прозвучало как одобрение. Я утер пивную пену с губ и подумал, не выскочить ли мне в окно. Мы сидели, старательно улыбаясь друг другу. Я тщился сообразить, откуда у пива мог взяться такой странный вкус, и наконец решил, что его производят в цирке из мочи дрессированных животных.

— Хорошо, правда? — спросил бельгиец.

— М-м, — протянул я снова, но поднести кружку к губам не рискнул.

До того раза я никогда не уезжал из Америки, и вдруг очутился на чужом континенте, где мой родной язык был мало кому понятен. Я пролетел 4000 миль в холодильнике с крыльями, не спал тридцать часов и не умывался двадцать девять, а теперь сидел в крошечной квартирке в незнакомом бельгийском городе, собираясь поужинать с двумя совершенно чужими и очень странными людьми.

Мадам Странность появилась с тремя тарелками, на каждой из которых сиротливо лежало по два жареных яйца. Она поставила их перед нами с какой-то отчаянной решимостью. Мы с ней сели за стол, а муж пристроился на краешке кровати.

— Пиво с яйцами, — сказал я. — Интересное сочетание.

Ужин продолжался четыре секунды.

— М-м, — сказал я, вытирая рот и поглаживая живот. — Просто чудесно. Большое спасибо. Ну, мне надо идти.

Мадам Странность стрельнула в меня взглядом, граничащим с ненавистью, но месье Странность подскочил и нежно приобнял меня за плечи.

— Нет, нет. Вы должны послушать вторую сторону альбома и выпить еще пива.

Он перевернул диск, и мы молча дослушали его, мужественно принося обоюдную жертву гостеприимству. Потом он отвез меня к маленькому отелю в центре города, который, возможно, и был когда-то хорошим, но теперь его освещали голые лампочки, а управлял им человек в застиранной майке. Он провел меня по длинному коридору, по каким-то лестницам и холлам, и оставил у двери большой комнаты. В ней были голые полы, в сумраке угадывался стул с тонким полотенцем на спинке, раковина с отбитой эмалью, несуразно большой шкаф и громадная

дубовая кровать, которую не смогли сокрушить сто пятьдесят лет бурного секса.

Я сбросил рюкзак и повалился на постель, не снимая ботинок. Потом я понял, что выключатель лампочки в двадцать ватт, едва различимой где-то под потолком, находится на другом конце комнаты, но слишком устал, чтобы встать и выключить свет. Единственно, на что у меня хватило сил — это подумать, нашел ли мой религиозный фанатик комнату, или трясется где-нибудь на парковой скамье в Люксембурге, натянув запасной свитер и натолкав в джинсы для тепла старых номеров «Люксембургер Цайтунг».

— Надеюсь, что так, — пробормотал я и провалился в одиннадцатичасовой сон.

Несколько дней я провел, бродя по лесистым холмам Арденн и привыкая понемногу к рюкзаку. Каждое утро, взвалив его себе на спину, я стоял какое-то время, пошатываясь, будто меня огрели дубиной по голове. Тем не менее он эффективно восстанавливал мою спортивную форму. Не знаю, чувствовал ли я себя когда-нибудь таким бодрым, как в эти три или четыре дня на юге Бельгии. Мне было двадцать лет, я был свободен и жил в совершенном мире. Погода стояла хорошая, веселые зеленые окрестности были усеяны маленькими фермами, а вдоль дороги, по которой машины проезжали раз в год, бродили гуси и куры.

Когда я забредал в какую-нибудь полусонную деревню, два или три старика в беретах, сидящие у дверей пивного бара с кружками, молча наблюдали за мной и отвечали на мое жизнерадостное «Bonjour!» едва заметным кивком. По вечерам, когда я, отыскав комнату, заходил в местное кафе почитать книгу и выпить пива, я снова получал эти крохотные кивки головой от десятка людей, что воспринимал в своем энтузиазме как знак уважения и признания. В упоении я даже не замечал, что они отодвигались от меня, когда, после семи-восьми стаканов пива, я пристраивался к одному из сидящих за столом и бормотал со всей приветливостью единственную французскую фразу, запомнившуюся со школы: «Je m'appelle Guillaume. J'habite Des Moines» (Меня зовут Гийом. Я живу в Де Муане).

Так проходило лето. Я четыре месяца болтался по всей Европе, побывал в Великобритании и Ирландии, проехал через Скандинавию, Германию, Швейцарию, Австрию и Италию, не переставая искренне изумляться увиденному. Это было мое самое счастливое лето. Мне так понравилось в Европе, что, вернувшись домой, я вытряхнул содержимое рюкзака в мусоропровод и немедленно начал готовиться к следующей поездке будущим летом. В нее я взял с собой школьного приятеля по имени Стефан Кац, что было с моей стороны серьезной ошибкой.

Кац был такой человек, который, как раз в то время, когда вы пытаетесь уснуть в темном номере, начинает пространно и во всех подробностях живописать, как бы он сейчас трахнул симпатичную блондинистую нимфетку, если бы она была, прерываясь только затем, чтобы объявить о предстоящей газовой атаке словами: «Во-от, хороший накачивает... Ты готов?» — а пёрнув, как судья на соревнованиях по фигурному катанию давал оценку своему залпу по трем параметрам — громкости, продолжительности и вонючести. Единственно положительное, что я видел в его обществе — это то, что на время каникул избавил от него всех остальных американцев.

Вскоре он стал мне в тягость. А как иначе воспринимать типа, который, сидя за столом, каждое новое блюдо встречает словами: «Это что еще за говно?» Он все время на что-то жаловался и ходил за мной как привязанный, куда бы я ни пошел. В конце концов пришлось отделаться от него, и лето прошло почти так же приятно, как и предыдущее.

Потом почти все время, пятнадцать из семнадцати лет, я прожил в Англии, но европейского континента почти не видел. Четырехдневное посещение Копенгагена, три поездки в Брюссель, галоп по Нидерландам — вот и все, что я могу вспомнить. Настало время исправить это вопиющее положение.

Я решил сначала отправиться на самую северную точку европейского материка, а оттуда

проделать путь до Стамбула, посещая по дороге все страны, в которых бывали мы с Кацем. Путешествие должно было начаться весной, но перед Рождеством я позвонил в самый северный в мире университет Тромсё, где находилась лаборатория по изучению северного сияния, чтобы узнать, в какое время больше шансов увидеть это великолепное световое шоу. Связь была ужасной, я с трудом разобрал слова профессора, — он как будто разговаривал из самого центра ревущей снежной бури, — что приехать лучше всего сейчас, прежде чем солнце снова появится в конце января. Он добавил, что нынешний год в связи с высокой солнечной активностью исключительно хорош для наблюдения за северным сиянием. Требовалось, правда, чистое небо, чего в северной Норвегии никто гарантировать не мог.

— Вы должны приехать хотя бы на месяц, — прокричал он мне.

— На месяц? — переспросил я, внезапно ощутив беспокойство.

— Как минимум.

Провести целый месяц в самом холодном, самом темном, самом ветреном, самом отдаленном месте Европы. Все, кому я рассказывал о своем намерении, считали меня сумасшедшим. И вот теперь я трясся в автобусе, полный решимости во что бы то ни стало добраться до Хаммерфеста.

Вскоре после отъезда из Осло я с огорчением обнаружил, что в автобусе никто не курит. Никаких табличек с надписью «Не курить» не было, но я не собирался прикуривать первым, чтобы потом все кудахтали по-норвежски в мой адрес. Сдерживало меня и то, что человек в кресле через проход от меня был явным курильщиком, как и любитель комиксов, сидящий передо мной. Я сверился с буклетом «Экспресс 2000», приложенным к каждому креслу, и с ужасом прочел слова: «Tilsammen 2, 000 km nonstop i 30 timer».

Я не знаю ни слова по-норвежски, но это не требовало перевода. Две тысячи километров! Без остановки! Тридцать часов без сигарет! Внезапно я опять остро ощутил ужас своего положения. Шея болела, левая нога поджаривалась как бекон на сковородке, голова молодого любителя комиксов, откинувшего спинку до упора, расположилась прямо у моей ширинки, чего раньше с мужчинами я не допускал. У меня было меньше жизненного пространства, чем если бы я отправил сам себя в Хаммерфест посылкой. А теперь еще выяснилось, что я должен проехать тридцать часов без никотина. Это уж чересчур!

К счастью, все оказалось не так страшно. На шведской границе, примерно через два часа езды автобус остановился на таможенном посту среди леса и, пока водитель ходил в контору с документами, я, стоя по колено в снегу, успел выкурить горсть сигарет. Кто его знает, когда еще представится случай? Вернувшись в автобус и успев дважды наступить на ногу леди — ветерану арктических экспедиций, чем заслужил ее вечную ненависть, я еще раз просмотрел листовку «Экспресс 2000» и с облегчением обнаружил, что на маршруте предусмотрены три остановки.

Первая произошла вечером в Скеллефте, Швеция, в маленьком придорожном кафетерии. Это было странное место. На стене в начале раздачи висело этакое электронное меню, где каждое блюдо снабжалось кнопкой, нажав на которую посетители давали кухне команду готовить заказанное. Потом следовало просунуть пустой поднос на раздачу, выбрать напиток и ждать вместе с кассиром минут двадцать, пока подадут еду. Не самый эффективный способ организации работы кафетерия, не так ли? Поскольку я стоял последним, а очередь почти не двигалась, я вышел покурить. По возвращении обнаружилось, что очередь стоит, как стояла. Я все же взял поднос и стал изучать меню. Что означают названия, было для меня загадкой, и я вдруг подумал, что могу заказать ненароком что-то из печени, которую патологически не выношу. В этой связи я решил ничего не заказывать, хотя был соблазн нажать все кнопки подряд и посмотреть, что из этого выйдет.

Вместо этого я взял бутылку пепси и маленькую булочку, но кассирша вдруг сообщила мне,

что норвежские деньги здесь не принимаются. Это меня удивило, поскольку я всегда считал, что все северные народы — братья и у них свободное хождение валюты, как между Бельгией и Люксембургом. Под бдительным взглядом кассирши я отдал обратно булочку и пепси, ограничившись стаканом бесплатной ледяной воды. Порывшись в кармане куртки, я обнаружил бисквит, завалившийся со времени перелета из Англии, и подкрепился им.

Когда мы вернулись в автобус, насытившись бараньими котлетами с овощами и/или бисквитом с ледяной водой, водитель выключил свет, и у нас не оставалось другого выбора, кроме как постараться уснуть. Мне долго не удавалось устроиться поудобнее. Испробовав все возможности, я наконец пристроился на сиденье, задрав ноги выше головы. В такой позиции я заснул глубоким и на удивление спокойным сном. Правда, норвежские монеты из моих карманов вываливались одна за другой, и их, как я полагаю, немедленно подбирала маленькая старая леди, о коленках которой я проявил такую трогательную заботу. Так прошла ночь.

Нас разбудили рано утром на следующей стоянке, на этот раз в местечке Хрен-Знает-Где, Финляндия. На самом деле оно называлась Муонио и было самым безлюдным населенным пунктом из всех, что мне случалось видеть: посреди тундры стояла бензоколонка с пристройкой, где размещалось кафе.

Здесь нас ожидали две новости, хорошая и плохая. Норвежскую валюту в кафе принимали, но взять за нее что-нибудь съедобное было нечего. Шоферу с напарником дали большие тарелки с дымящейся яичницей, картошкой и беконом. Для пассажиров ничего похожего не приготовили. Я взял бутылку минеральной воды и ломтик черствого хлеба с прошлогодним сыром, за которые с меня стрясли целых двадцать пять крон. Позднее, когда водитель с напарником пили кофе, безуспешно пытаясь подавить сытную отрыжку, я и другие пассажиры бродили по магазинчику, в котором продавались ремни охлаждения радиатора и лопаты для уборки снега.

В семь тридцать мы снова отправились в путь. Остался всего-навсего один день, думал я, стараясь приободрить себя. Пейзаж был невыносимо скучным: миля за милей тянулась снежная пустыня с чахлыми березовыми рощицами. Вдоль дороги, а зачастую и на ней, паслись северные олени, слизывая разбросанную на льду соль. Мы проехали пару деревень, которые выглядели заброшенными и безжизненными. Окна в домах, похоже, отродясь не знали, что такое рождественские огни. Солнце, только что поднявшееся над низкими холмами, повисело в нерешительности и снова спряталось. Больше я его ни разу не видел за все три недели своей поездки на север.

Около пяти часов мы проехали через длинный, пустынный мост, связывающий материк с островом Квалёйа, на котором находится Хаммерфест. Мы достигли крайней северной точки, до которой можно добраться на общественном транспорте.

Хаммерфест невообразимо далек — в 1000 милях на север от Шетландских островов, в 800 милях от Фарер, в 150 милях севернее даже моего знакомого профессора, преподававшего в университете в Тромсё. Теперь я был ближе к Северному полюсу, чем к Лондону. Мысль об этом вдохновила меня, и я прижался носом к холодному стеклу.

Мы подъехали к Хаммерфесту по извилистой дороге, проложенной вдоль побережья, и когда он наконец оказался в поле зрения, то поразил воображение — сказочная страна золотых огней, разбежавшихся по окрестным холмам и обступавших темный залив. Я представлял себе Хаммерфест как деревню — несколько домов вокруг маленькой гавани, церквушка, один сельский магазин и, если повезет, бар. Но это оказался хоть и маленький, но настоящий город. Дела пошли на лад.

Я остановился в гостинице «Хайа» на набережной. Комната была маленькой, но с телефоном, цветным телевизором и ванной. Свалив свои вещи, я отправился взглянуть на Хаммерфест.

Он казался вполне приятным городком, в духе «Слава-Богу-что-я-живу-не-здесь». Гостиница находилась недалеко от портовых офисов и пакгаузов, имелась также пара банков, очень большой полицейский участок и почта с шеренгой телефонных будок по фасаду. Какой-то искатель развлечений сбросил с полок все телефонные справочники, которые болтались теперь на цепочках, придуманных для борьбы с воровством.

Я пошел по главной улице, называвшейся Страндгатан, которая тянулась примерно на 300 метров вдоль набережной и вмещала множество полезных заведений — булочную, книжный магазин, кинотеатр (закрытый), кафе под названием «Коккен'з», ратушу и темную громаду рыбоперерабатывающего завода. Гирлянды рождественских огней через равные промежутки украшали улицу, но все магазины были закрыты, и нигде не было заметно никаких признаков жизни. Только изредка мимо стремительно проносилось такси, будто спеша по неотложным делам.

На улице было холодно, но не так, чтобы очень. Это порадовало меня, потому что в Осло я чуть не купил за 400 крон русскую ушанку. Я ненавижу две вещи: стоять в толпе и оказываться всеобщим посмешищем, каковым я чуть было не заделался в этой шапке. Но теперь в ней нет необходимости.

Еще одна дорога, извиваясь вдоль порта, вела на узкий мыс. Примерно через полмили мне открылся прекрасный вид на город, покоящийся в расселине между черных гор, как в гигантской ладони. Сам залив был невидим, только монотонный шум волн подсказывал, что там море. Но сам город был удивительно ярким и уютным — этакий оазис тепла и света в бесконечной полярной ночи.

Удовлетворенный первоначальным знакомством, я отправился обратно в отель, где съел легкий для желудка, но весьма ощутимый для кармана ужин и благодарно залез под одеяло.

Ночью меня разбудила буря. В окне как бешеный кружился снег и завывал ветер. В небе полыхали молнии. Никогда в жизни не видел молний во время снежного бурана. Бормоча «Господи Иисусе, куда меня занесло?», я снова зарылся в постель. Не знаю, в котором часу я проснулся, но провалился в постели, наверное, целый час, пока не сообразил, что светло вообще не будет. Тогда я встал и посмотрел в окно. Буря все еще бушевала. В автопарке полицейского участка, прямо под моим окном, две машины с надписью «POLITI» превратились в сугробы, из которых торчали только крыши.

После завтрака я отважился выйти в бурю. Улицы были пустынные, снег подпер сугробами все двери. Уличные фонари мотались как сумасшедшие, отбрасывая колеблющиеся тени. Рождественские гирлянды посрывало со столбов. По дороге неслась подхваченная ветром картонная коробка, высоко взмывая над землей. Было холодно как в колбе с жидким азотом. Теперь я пожалел о том, что не купил русскую ушанку. Ветер гнал острую ледяную крошку, которая обжигала щеки и не давала глубоко вдохнуть. У меня с собой был шарф, которым я обмотал лицо «а ля бандито», и потащился дальше, шатаясь под порывами ветра.

Вдруг передо мной из снежных вихрей возникла фигура, увенчанная той самой ушанкой, которая уже не казалась мне смешной. Когда прохожий приблизился, я оттянул шарф со рта, и попытался занемевшими губами пробормотать в качестве приветствия «Прохладно сегодня, не правда ли?», но абориген Хаммерфеста прошел мимо, будто меня вообще не существовало на

свете. Через сто шагов мне попались еще двое прохожих — мужчина и женщина, которые тоже проигнорировали меня, словно я был невидимкой. Тогда мне пришло в голову, что этот городишко населен, главным образом, зомби. Хотя трудно представить себе зомби в ушанке.

На мысу, к которому я направлялся, не было ничего интересного, если только вас не интересуют склады и судоремонтная верфь, и я уже собирался повернуть назад, когда заметил вывеску, указывающую дорогу на что-то, называемое «Meridianstotten». Во мне проснулся дух исследователя, который вскоре привел к морю. Здесь, не встречая никаких препятствий, ветер дул еще сильнее. Дважды он чуть было не оторвал меня от почвы. Тут я обнаружил, что если вытянуть вперед руки, то можно как бы плыть по порывам ветра, едва касаясь ногами земли. Это было необычайно весело. Я как раз придумывал название для нового вида спорта, когда неожиданный порыв ветра грохнул меня головой об лед с такой силой, что я вспомнил, куда засунул прошлым летом ключ от угольного сарая. Боль от ушиба и мысль о том, что ветер может выбросить меня в море как картонную коробку, что я видел давеча, заставили меня отказаться от совершенствования навыков в новом виде спорта и благоразумно проследовать к «Meridianstotten».

Объект с загадочным названием оказался обелиском на маленьком возвышении. Позднее я выяснил, что этот мемориал был воздвигнут в 1840 году в честь первого научного измерения окружности Земли, которое происходило как раз в этих местах. Я с трудом поднялся к подножию обелиска, но снег валил с такой силой, что надпись прочесть не удалось, и пришлось отправиться назад, теша себя намерением вернуться на следующий день. Но я никогда больше туда не вернулся.

Вечером я поужинал в гостиничном ресторане, а потом сидел в баре, потягивая пиво. Мак по пятьдесят эре за глоток и надеясь, что через минуту здесь станет веселее. В конце концов, стоял самый канун Нового года. Но в баре было тихо, как в похоронном бюро. Двое мрачных мужчин в свитерах из оленьей шерсти сидели с кружками пива, молча глядя в пространство. Потом я заметил еще одного, присутствие которого выдавал только огонек сигареты. Когда официант подошел забрать мою тарелку, я спросил, как в Хаммерфесте можно развлечься. Он подумал минуту и, как мне показалось, хотел сказать: «Попробуйте поджечь телефонные справочники возле почты».

Но сказать этого он не успел, потому что одинокий посетитель с сигаретой вдруг обратился к официанту из полумрака с замечанием, содержащим, судя по тону, нечто вроде: «Эй ты, вонючий кусок оленьего говна, ты собираешься меня обслуживать или нет?» Официант шваркнул мою тарелку обратно на стол, едва не разбив, и ринулся к невидимому посетителю. Он яростно стащил его со стула, дотолкал до двери и выбросил, наконец, на улицу в снег. Несмотря на агрессивное вступление, тот сопротивлялся вяло и недоуменно, словно пытаясь тупо сообразить, что же такое с ним происходит. Когда официант вернулся, красный и запыхавшийся, я весело спросил у него: «Надеюсь, вы не всех посетителей провожаете подобным образом?» Однако он не был расположен к шуткам и с угрюмым видом направился к бару. Мой вопрос о развлечениях в Хаммерфесте так и остался без ответа, хотя увиденное само по себе было неплохой иллюстрацией.

В одиннадцать тридцать бар все еще оставался пустым, и я вышел наружу убедиться, что городок вымер окончательно. Ветер стих, буря утихла, но людей на улице не было. Все окна в домах светились, но внутри не наблюдалось ни малейших признаков веселья. Однако ровно в полночь, когда я уже собирался идти спать, из домов вдруг высыпало все население Хаммерфеста, и в беспросветное небо полетели петарды — они взрывались с оглушительным треском, озаряя высь яркими сполохами света, наполняя ночь огнями и рассыпая искры. В течение получаса во всех концах полуострова трещали хлопушки, вспыхивая над гаванью и падая

в море. А точно через тридцать минут все как по команде вернулись в дома, и Хаммерфест снова вымер.

Быстро проходило время. По меньшей мере три раза в день я отправлялся на длительные прогулки и пялился в небо, ожидая Северного сияния, а по вечерам выходил на улицу каждый час, но ничего не происходило. Все говорили мне: «Вам следовало было приехать немного раньше!», а затем принимались уверять, что сегодня вечером я наверняка увижу Северное сияние. «Выйдите на улицу около одиннадцати часов, и вы обязательно увидите его». Но я ничего не видел.

Потихоньку я начинал чувствовать себя пациентом, которому доктор велел уехать куда-нибудь в смертельно скучное место, где совершенно нечем заняться. Никогда еще я не спал так долго и так крепко. Никогда еще не имел так много времени, чтобы бездельничать. У меня вдруг появилась возможность заняться странными делами — например, снова и снова шнуровать ботинки до тех пор, пока шнурки не станут точно одной длины, разобрать завалы в своем бумажнике, вырвать из носа волосы, составить список дел, которые я мог бы сделать, если бы вообще что-нибудь делал. Иногда я сидел на краю кровати, положив руки на колени, и просто смотрел по сторонам. Однажды застал себя за разговором с самим собой. Потом я вообразил, что уже вышел на пенсию. Стал вести бессмысленный дневник ежедневных событий, которых не было, как когда-то делал мой отец. Он каждый день отправлялся в супермаркет и писал что-то в тетрадках у стойки бара. Когда он умер, мы нашли полный шкаф этих тетрадок, с записями вроде такой: «Январь, 4. Ходил в супермаркет. Выпил две чашки кофейного напитка. Погода не очень холодная». Мне стало понятно, зачем он это делал: чтобы не сойти с ума от безделья и бессмыслицы.

Постепенно меня начали узнавать в баре «Коккен'з», на почте и в банке. Люди отвечивали мне при встрече легкие поклоны. Все считали меня безвредным сумасшедшим англичанином, который приехал к ним ненадолго, а вот все живет и живет.

Как-то раз от нечего делать я пошел познакомиться с мэром. Представился ему как журналист, но на самом деле просто хотелось хоть с кем-нибудь поболтать. У него было лицо владельца похоронного бюро, синие джинсы и голубая рабочая рубашка, придававшие ему вид заключенного в день освобождения. Он долго рассказывал мне о проблемах местной экономики и, когда мы расставались, сказал:

— Вы должны прийти ко мне как-нибудь вечером. У меня шестнадцатилетняя дочь...

Я чуть было не сообщил ему сгоряча, что давно и счастливо женат, но он продолжил:

— Ей бы хотелось попрактиковаться в английском.

С удовольствием дал бы урок английского, но приглашения так и не последовало. Позже я записал в своем дневнике: «Интервьюировал мэра. Погода холодная».

Потом я познакомился с англичанином, который женился на девушке из Хаммерфеста. Они пригласили меня на обед, досыта накормили олениной, которая считается здесь деликатесом, и Пегги (так звали жену англичанина) поведала мне печальную историю. В 1944 году немцы, отступая перед Красной Армией, сожгли город дотла. Жители были эвакуированы морем, и когда корабли покидали гавань, отец Пегги вынул ключи из кармана и бросил их за борт, сказав со вздохом: «Они больше не понадобятся». После войны люди возвратились и увидели, что уцелела только церковь. Голыми руками, почти без инструментов, они отстроили Хаммерфест. Возможно, это совсем маленький город и стоит на самом краю света, но они любили его, и я восхищался этими людьми.

А на шестнадцатый день моего пребывания в Хаммерфесте, когда я в полной темноте возвращался с мыса после утренней прогулки, на краешке неба над городом вдруг появилось прозрачное разноцветное облако — в нем чередовались розовые и зеленые, голубые и бледно-

пурпурные тона. Оно мерцало и как будто кружилось, постепенно разрастаясь на все небо. Такую живую, переменчивую радугу можно иногда увидеть в бензиновой пленке на луже. Я стоял как замороженный. Из книг я знал, что северные сияния происходят на огромной высоте в атмосфере, примерно в 200 милях от земли, но это облако, казалось, висело прямо над городом.

Существует два вида северного сияния: световые столбы, которые все видят на картинках, и довольно редко наблюдающиеся газовые облака, которые я видел сейчас. В беспросветном мраке сельской местности они способны вызывать самые причудливые оптические иллюзии. Может показаться, что они летят на тебя с огромной скоростью, словно хотят убить. Это жутко и порождает много странных легенд и суеверий. До сегодняшнего дня многие лапландцы искренне считают, что если показать сиянию белый платок или чистый лист бумаги, то оно приблизится и унесет тебя.

Сияние, свидетелем которого я стал, было сравнительно небольшим и продолжалось всего несколько минут, но я никогда не видел ничего прекраснее и вряд ли увижу. А вечером снова появилось северное сияние и длилось несколько часов. На этот раз оно было только одного цвета — зловеще-зеленого, которым светятся экраны радаров, но его яркость была просто неистовой.

Я очень замерз, пальцы на ногах онемели, несмотря на три пары теплых носков. Была большая вероятность обморозиться, но я стоял и наблюдал еще, как минимум, два часа, не в силах оторваться от зрелища.

На следующий день я отправился в туристическое агентство, чтобы с помощью управляющего Ганса, который стал мне почти другом, забронировать место в автобусе на следующую неделю. Не было у меня больше необходимости торчать в Хаммерфесте. Ганс выглядел удивленным. Он сказал:

— Разве ты не знаешь? На следующей неделе автобуса не будет. Он едет в Элту на ежегодный текущий ремонт.

Я был сражен. Еще две недели в Хаммерфесте? Что мне здесь делать?

— Но тебе повезло, — добавил вдруг Ганс. — Ты можешь уехать сегодня.

До меня дошло не сразу:

— Как?

— Автобус, который должен был прибыть вчера, задержался из-за сильного снегопада около Каутокей-на. Он прибыл сегодня утром. Разве ты его не видел? Сегодня отправляется обратно.

— Сегодня? Когда?

Он глянул на часы и с безразличием человека, который сто лет прожил в снежной пустыне, посреди великого Нигде, и собирается прожить еще столько же, ответил:

— Я думаю, минут через десять.

Десять минут! Никогда мне еще не приходилось бегать с такой скоростью. Я примчался к автобусу, уговорил водителя не уезжать без меня, хотя он вряд ли понял мою просьбу, потом бросился в гостиницу, побросал вещи в чемодан, оплатил счет, раскланялся и долетел до автобуса, волоча за собой выпадающее из чемодана шмотье, как раз в тот момент, когда он собирался отъезжать.

Самое смешное, что, когда мы выехали из Хаммерфеста, я на секунду захотел остаться. Это был приятный городок. Мне понравились его жители. Они хорошо относились ко мне, но пора было возвращаться в Осло и в реальный мир. Кроме того, мне надо было срочно купить русскую шапку-ушанку.

Когда я был в Европе первый раз, в Копенгагене мне приспичило сходить в кино. Оказалось, что в Дании принято продавать билеты не просто в зал, как в Америке, но на конкретное место в конкретном ряду, которые были аккуратно пронумерованы. Войдя в кинозал, я обнаружил, что мое кресло находится рядом с единственными, кроме меня самого, зрителями — молодой парой, слившейся в столь страстном объятии, что казалось, они нашли друг друга после кровопролитной войны, уже потеряв всякую надежду на встречу. Сесть рядом с ними было так же нескромно, как попроситься в их компанию третьим. Поэтому я занял место через несколько сидений.

Кинотеатр между тем постепенно заполнялся, правда, как-то странно. Людям продавали билеты на крохотный пятачок в центре огромного зала — видимо, чтобы им не было страшно в темноте. Когда запустили фильм, их уже сгрудилось около трех десятков посредине гулкой пустоты помещения. Через две минуты после начала какая-то женщина, навьюченная авоськами, словно мул, с трудом протиснувшись вдоль ряда, остановилась около моего места и возмущенно предъявила свои права, тыча мне в нос свой билет. Тут же появилась билетерша с фонариком и началась нервозная проверка билетов у всех сидящих по соседству. Послышались ядовитые реплики, что эти американцы даже простого номера на билетах разобрать не могут, и я был с позором препровожден на свое место.

Таким образом был наведен порядок: человек тридцать сидели вплотную друг к другу в центре зала, как жертвы кораблекрушения в переполненной шлюпке, прижимаясь друг к другу плечами, и это был чисто датский порядок. Вот тут-то мне и пришло в голову, что некоторые вещи у одних народов получаются намного лучше, чем у других, и я стал размышлять, чем это вызвано.

У многих стран есть зримые материальные приметы, свойственные только им: это, к примеру, двухэтажные автобусы в Великобритании, ветряные мельницы в Голландии, кафе под открытым небом в Париже. И наоборот, существуют вещи, которые в большинстве стран мира делаются без малейших затруднений, но некоторые к этим простым вещам почему-то вообще не способны.

Например, французы никак не могут научиться стоять в очередях. Они очень стараются, просто из кожи вон лезут, преодолевая свою неспособность, но это выше их сил. То и дело в Париже приходится наблюдать такую картину: люди на автобусных остановках стоят строго в затылок друг другу, имитируя некий порядок, но как только подходит автобус, они ведут себя как сумасшедшие, когда в дурдоме проводят учения по пожарной тревоге. Стройная колонна распадается, все начинают толкаться, пихаться локтями и чем попало, чтобы первыми залезть внутрь. При этом никому не приходит в голову, что для этого совсем необязательно было выстраиваться в очередь.

Англичане имеют весьма смутное представление о соблюдении приличий за столом. Чего стоит хотя бы их привычка поглощать гамбургеры с помощью ножа и вилки. Немцы видят в каждой шутке обидный намек на генетическое отсутствие у них чувства юмора, и постоянно оказываются в затруднительном положении: то ли все-таки попробовать понять, что здесь смешного, то ли не стараться зря и сразу обидеться. Швейцарцы не умеют веселиться. Это становится ясно, если хоть раз посмотреть, как старательно и серьезно они развлекаются без малейшего проблеска радости в глазах. Испанцы не видят ничего странного в том, чтобы ужинать далеко за полночь, а итальянцам ни под каким видом нельзя доверять управление транспортным средством быстрее асфальтового катка.

Впервые оказавшись в Европе, я был больше всего поражен именно тем, что одни и те же вещи, даже самые простые, можно, оказывается, делать очень по-разному: есть и пить, покупать билеты в кино, развлекаться и водить машину. Меня восхищало то, что европейцы, такие педантичные и консервативные, могут оставаться при этом такими непредсказуемо разными. Мне доставляла удовольствие сама мысль, что в Европе нормальный человек никогда и ни в чем не может быть твердо уверенным.

Мне до сих пор дорого — возможно, как память о молодости — впервые испытанное в Европе чувство, когда почти постоянно только догадываешься, что происходит вокруг. Вот и в Осло, где я провел четыре дня после возвращения из Хаммерфеста, горничная каждое утро доставляла мне в номер пакет с чем-то, называемым «Bio Tex B10», а надпись, видимо пояснительная, гласила: «Minipakke for ferie, hybel og weekend». Я провел много счастливых часов, обнюхивая пакет и экспериментируя с его содержимым, не зная, был ли это стиральный порошок или присыпка от блох у домашних животных. В конце концов я решил, что это средство для чистки одежды и использовал его в этом качестве — на мой взгляд, вполне успешно. Вот только жители Осло, оказавшись от меня достаточно близко, говорили друг другу: «От парня разит как от только что почищенного унитаза».

Когда я сообщал друзьям в Лондоне, что собираюсь путешествовать по Европе и написать об этом книгу, они восклицали: «О, ты наверное говоришь на многих языках!» — «Ни фиги, — отвечал я гордо. — Только по-английски». Они смотрели на меня с сочувствием, как на ненормального. Но мне в этом виделась особая прелесть поездки за границу. Для меня интереснее всего не понимать, о чем говорят вокруг люди. Такое чувство, что тебе снова всего пять лет, ты еще не умеешь читать, имеешь весьма туманное представление об окружающем и не можешь даже перейти улицу без смертельного риска для жизни. Зато любое событие дает щедрую пищу для фантазии и заставляет строить самые удивительные догадки.

Так случилось и в Осло. В первый же вечер в гостинице я увидел по телевизору научно-популярную передачу и самонадеянно попытался уловить, о чем идет речь. В студии два человека — видимо, Ведущий и Гость, — стояли у лабораторного стола, по которому, иллюстрируя их беседу, ползали какие-то маленькие зверьки вроде грызунов. Самые смелые из них забирались на рукава Ведущего. Эти мелкие существа в сочетании с двумя-тремя словами, которые показались мне знакомыми, дали неожиданный результат. Вот как я понял их разговор.

Ведущий: Значит, вы занимаетесь сексом со всеми этими животными?

Гость: Ода, конечно. Разумеется. Правда, с дикобразами нужно быть очень осторожным, а лемминги, если вдруг почувствуют, что вы их стали меньше любить, делаются очень нервными — иногда даже бросаются со скал.

Ведущий: Все это кажется мне просто замечательным... (Отворачивается от гостя к камере). На следующей неделе наша передача научит вас, как приготовить сильные наркотики-галлюциногены из простейших химикатов, которые есть в каждой домашней аптечке. А теперь экран на секунду погаснет, потом снова вспыхнет и вы увидите телеведущего, сидящего с таким видом, словно он только что собирался поковырять пальцем в носу. До встречи на следующей неделе!

После ХаммерфестаОсло, засыпанный грязноватым снегом, показался мне настоящими тропиками, и я передумал покупать русскую шапку-ушанку. Я ходил в музеи, бродил по центру города между железнодорожной станцией и королевским дворцом, рассматривал витрины магазинов вдоль Карл Йоганс Гейт, главной пешеходной улицы норвежской столицы, которую оживляли яркие огни и моложавые, счастливые норвежцы. На мой взгляд, они имели, как минимум, один повод радоваться — тому, что не живут в Хаммерфесте. Когда я замерзал, то отогревался в кафе и барах, подслушивая разговоры, которых не понимал. Когда это надоедало, я

доставал путеводитель по Европе Томаса Кука и листал его с почтительным трепетом, планируя дальнейшее путешествие.

Путеводитель Томаса Кука — это, возможно, самая удивительная книга из всех, когда-либо изданных на земле. 500 страниц ее бесконечных транспортных расписаний, набранных мелким шрифтом, как магнит тянут отправиться в дальний путь, сменив надоевший костюм на старые джинсы. Сугубо прозаические строки путеводителя звучат как поэма: «Белград — Триест — Венеция — Верона — Милан», «Гётеборг — Стокгольм», «Марсель — Лион — Париж»... Кто может читать эти названия, не представляя себе платформу с толпами пассажиров и грудями багажа, длинный состав с экзотическими местами назначения на вагонах?! Кто может, увидев надпись «Москва — Варшава — Берлин — Базель — Женева», не позавидовать тем везунчикам, которые собираются совершить столь грандиозное путешествие?! Наверное, кто-то и может. Но лично я способен часами рассматривать таблицы, каждая из которых — заумная головоломка из дат, расстояний и таинственных условных значков, изображающих пересеченные ножи и вилки, винные бокалы, кинжалы, шахтерские киркомотыги (они-то что могут означать?), паромов, автобусов и уж совсем недоступных пониманию примечаний:

873-4 В/из Сторлиена — см. Таблицу 473

977 Лаппландшпиллен — см. Таблицу 472.

Остановки только для посадки. На (7) машинах въехать в поезд 421.

k Рекомендуются бронирование.

t Пассажиры не могут сесть или выйти на этих станциях.

x Через Вастерас на (4), (5), (6), (7).

Что это все значит? Тут у кого угодно крыша поедет. Можно изучать книгу Томаса Кука всю жизнь и не разгадать до конца всех ее загадок. Но это кажущиеся излишества. Наверняка десятки людей сталкивались в пути с огромными проблемами лишь только потому, что не обратили внимания на примечание, гласящее: «После Карлскрона по пути к Полярному Кругу остановок нет — см. таблицу 721 а/б. Рекомендуются иметь при себе грелки. Горячая пища только после Мурманска. Обратный путь через Анкоридж и Мексикали».

Поездка в Хаммерфест была вроде основательной разминки, но теперь я был настроен отправиться в серьезное путешествие. Мне не терпелось поколесить по Европе, посмотреть афиши фильмов, которые никогда не будут идти в Англии, поглазеть на знаки «Парковка запрещена», послушать народные песни, которые даже при самой буйной фантазии не могли бы стать хитами в моей стране. Мне хотелось вновь и вновь попадать впросак, заходить в разнообразные тупики на причудливом континенте, где можно сесть на поезд и через час попасть в другую страну, где говорят на другом языке, едят другую пищу, работают в другие часы. Я хотел быть туристом.

Но сначала надо было наведаться домой.

В Англии, дожидаясь зимы, я потратил невероятное количество времени на нелепые закупки для предстоящей поездки. В том числе, я купил туристские часы, швейцарский армейский нож и яркий желто-зеленый рюкзак, который, как уверила меня жена, будет очень кстати, если я вдруг вздумаю посетить тусовку голубых. Я проводил целые дни, ползая по чердаку в поисках своих любимых карт Европы издания «Кюммерли и Фрей», которые я сдуру купил в 1972 году почти в полном комплекте. Как оказалось, это было одним из немногих разумных вложений денег, сделанных мною в молодости, если не самым разумным.

Напечатанные в Швейцарии со швейцарским размахом и точностью, эти карты содержали под глянцевыми голубыми и желтыми обложками подробнейшие географические схемы одной или двух стран. Раскрываясь, они становились огромными и хрустящими, а объяснения в них были только на неведомых мне немецком и французском языках. Это придавало картам особую экзотичность, которая привлекла меня к ним в 1972 году, и до сих пор привлекает. Если везешь с собой карты с такими названиями, как «Jugoslawien 1:1 Mio» и «Schwarzwald 1:250 000», то выглядишь заведомо искушенным и многоопытным. В твоих руках они звучат примерно так: «Не надо трахать мне мозги. С такими картами я сам кого угодно затрахую».

Отыскав в конце концов все карты и догрузившись последним изданием путеводителя по Европе Томаса Кука, я углубился в составление маршрута, который охватывал бы как можно большее число стран и одновременно был доступен физически. Естественно, одно с другим совместить не удалось. Европа слишком велика, и так кишит достопримечательностями, что в ней невозможно найти такое место, которое можно было бы пропустить.

После долгих раздумий я принял мудрое решение поехать наугад. Вернусь в Осло, подумал я, куда доехал зимой, а потом отправлюсь туда, куда взбредет в голову. Однако незадолго до вылета мне вдруг послышался внутренний голос: «В Осло сейчас холодно, там зима. Ты был там всего два месяца назад, что тебе там делать? Ну его на хрен, Билл, поезжай в Париж!»

И я поехал.

В йоркширском туристическом агентстве, услугами которого я пользуюсь, работает странная девушка. Однажды я позвонил ей по телефону и попросил забронировать мне билет в Брюссель. Через десять минут она перезвонила, чтобы уточнить: «Мистер Брайсон, вы имеете ввиду тот Брюссель, который в Бельгии?» Я буквально охренел от ее вопроса. Как можно с такими географическими познаниями трудиться на туристической ниве?

Так вот, эта самая девушка заказала мне отель в самом унылом районе на окраине Кале — моей первой остановки по пути в Париж. Сам отель был до отвращения современным — то есть стерильным и безликим. Меня утешало только то, что в нем не было электрических реле, которыми буквально напичканы парижские гостиницы. Это гнусное изобретение, явное порождение патологической французской жадности, до глубины души поразило меня, когда я впервые приехал из Америки. Все выключатели в коридорах, снабженные этим устройством, автоматически выключают свет через десять-пятнадцать секунд после включения — это делается якобы для экономии. Если ваш номер находится рядом с лифтом, вас это не особенно волнует. Но если вы разместились в конце коридора, которые во Франции всегда снабжены неожиданными уступами, выступами и нишами, то путь до лифта превращается в тест на выживаемость. Последние метры приходится проходить в полной темноте, придерживаясь рукой за стенку, что не спасает вас от столкновения с дубовым столом XIX века, ужасно массивным и жестким, очевидно специально поставленным туда для блуждающих в потемках постояльцев. Особенно острым бывает ощущение, когда ваши пальцы вдруг натываются на что-то теплое,

мягкое и волосатое, а дальнейшее ощупывание объекта приводит к неизбежному выводу, что это человек, чему тут же получаете убедительное и весьма эмоциональное подтверждение. При этом все равно, на каком языке оно произносится — смысл понятен без всякого перевода, по интонациям.

Конечно, ко всему можно приспособиться. Например, заранее доставать ключ из кармана и бежать к своим дверям галопом, как лошадь, чтобы успеть попасть ключом в скважину. Но беда в том, что рано или поздно эта уловка не срабатывает, и вы снова вынуждены брести по темному коридору с вытянутой рукой, слабо надеясь, что не рухнете по ошибке в лестничный пролет и приходя к печальному выводу, что французы вас не любят.

Поэтому меня ничуть не удивило, когда я узнал, что их тоже никто не любит. Мне случайно попался обзор в британской газете, которая попросила читателей назвать, что они больше всего ненавидят. Так вот, список возглавили три вещи в следующем порядке: садовые гномы, пушистые игрушки на ветровых стеклах машин и французы. Мне это очень понравилось. Из всего бесконечного многообразия существующих на свете вещей, которые можно ненавидеть, включая бубонную чуму, нищету и тиранов, люди выбирают садовых гномов, пушистые игрушки и французов. Теперь мне это кажется просто замечательным.

А во время моей первой поездки в Париж я, по неопытности, все время удивлялся: почему окружающие меня так сильно ненавидят? Сойдя с поезда я отправился в бюро путешествий, где сердитая молодая женщина в голубой униформе взглянула на меня так, словно угадала во мне разносчика смертельно опасной инфекции.

— Что вам надо? — спросила она или, по крайней мере, мне показалось, что спросила.

— Комнату, если можно, — ответил я робко.

— Заполните этот бланк. Не здесь, — пресекла она мою попытку пристроиться тут же, у стойки. — Вон там, — кивком головы строгая девушка указала мне на столик для заполнения бланков, а затем повернулась к стоящему в очереди посетителю с тем же вопросом: — А вы что хотите?

Я был поражен, поскольку прибыл из места, где даже директора похоронных бюро желают вам доброго дня, когда вы приходите, чтобы достойно похоронить свою бабушку. Однако скоро я узнал, что в Париже эта сердитая девушка из туристического агентства отнюдь не была исключением. Если вы приходите в булочную, вас там встречает расплывшееся, как медуза, существо, и взгляд его говорит, что вам никогда не стать друзьями. На своем ужасном французском вы спрашиваете маленькую белую булочку. Существо мерит вас долгим ледяным взглядом и бросает на прилавок огромный черный каравай.

— Нет, нет! — кричите вы, в ужасе размахивая руками. — Не каравай! Просто маленькую булочку.

Медузообразная женщина таращится на вас, словно не верит своим ушам. Потом поворачивается к другим покупателям и обращается к ним по-французски — слишком быстро, чтобы вы поняли, но смысл ее обращения явно заключается в том, что этот ненормальный человек, этот американский туристиска пришел и попросил каравай — так она и дала ему каравай, а теперь он ни с того ни с сего заявляет, что ему вовсе не нужен каравай, а нужна булочка. Другие покупатели смотрят так, словно поймали вас на попытке залезть к ним в карманы. И не остается ничего другого, как с позором удалиться, утешаясь мыслью, что через четыре дня вы будете в Брюсселе и там, возможно, удастся поесть.

Что меня еще всегда удивляло — так это французская неблагодарность. Я всегда думал, что раз уж мы освободили Францию (если честно, то со времен Наполеона французская армия не смогла бы разбить и женскую хоккейную команду), им следовало бы выдавать всем приезжим из стран-союзниц книжечку с отрывными талонами для бесплатного распития спиртных напитков